

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

LINGUISTIC HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-4-98-106>

Роль А. И. Смирницкого в дискуссии о статусе слова в языкознании XX века (к 120-летию со дня рождения ученого)

Оксана Анатольевна Волошина^{1,2}

¹ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, oxanav2005@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1359-5937>

² Университет МГУ-ППИ, г. Шэньчжэнь, Китай

Аннотация. Статья посвящена анализу роли работ А. И. Смирницкого по общему языкознанию в определении статуса слова как центральной единицы языковой системы. Автор рассматривает не потерявшие до сих пор актуальности идеи А. И. Смирницкого о критериях, позволяющих разграничивать слово и морфему, слово и словосочетание, слово и фразеологизм и др. на основании семантических и формальных характеристик слова. Совмещая некоторые признаки других единиц языковой системы, слово как основная единица языка оказывается на пересечении лексики и словообразования, морфологии и синтаксиса. Идеи А. И. Смирницкого раскрываются на фоне дискуссии о статусе слова в языкознании XX века.

Ключевые слова: теория языка, слово, морфема, словосочетание, фразеологизм

Для цитирования: Волошина О. А. Роль А. И. Смирницкого в дискуссии о статусе слова в языкознании XX века (к 120-летию со дня рождения ученого) // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 4. С. 98–106. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-4-98-106>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

The role of A. I. Smirnitsky in the debate about the status of the word in twentieth-century linguistics (to the 120th anniversary of the birth)

Oksana A. Voloshina^{1,2}

¹ M. V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, oxanav2005@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0004-1359-5937>

² MSU-BIT University, Shenzhen, China

Abstract. The article analyses the role of A. I. Smirnitsky's works on general linguistics in determining the status of the word as the central unit of the language system. I consider A. I. Smirnitsky's ideas which are still relevant today. They concern the criteria for distinguishing between a word and a morpheme, a word and a phrase, a word and a phraseological unit, and so on based on the semantic and formal characteristics of the word. Combining certain features of other units of the language system, the word as the basic linguistic unit is at the intersection of vocabulary and word formation, morphology and syntax.

Keywords: language theory, word, morpheme, phrase, phraseological unit

For citation: Voloshina O. A. The role of A. I. Smirnitsky in the debate about the status of the word in twentieth-century linguistics (to the 120th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2023;84(4):98–106. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-4-98-106>.

Введение. В первой половине XX в. мировая лингвистика обсуждала статус слова как самостоятельной, более того — главной единицы языковой системы. До XIX в. ученые вообще не формулировали определение слова, так как предложить дефиницию базовому лингвистическому понятию (как и представлениям об исходных математических понятиях) оказалось сложно или почти невозможно. Считалось, что это и не очень нужно, ведь даже школьники интуитивно понимают, что такое слово, отделяя слова пробелами на письме.

Инициировали дискуссию о статусе слова американские лингвисты, которые в структуре языков коренного населения Америки обнаружили отмеченный еще В. фон Гумбольдтом механизм объединения морфем в комплекс, который соответствует, с одной стороны, производному слову, а с другой стороны — предложению. В. фон Гумбольдт выделил особый тип языков — инкорпорирующий, в котором предложение может представлять собой комплекс, состоящий из отдельных морфем и по структуре отождествляющийся со словом. В этом случае можно «рассматривать предложение вместе со всеми его необходимыми частями не как составленное из слов целое, а, по существу, как отдельное слово» [Гумбольдт 2001: 144]. В качестве примера инкорпорирующего языка В. фон Гумбольдт приводит грамматику мексиканского (ацтекского) языка и рассматривает, например, комплекс морфем с субъектом, объектом и глаголом, которому в русском языке будет соответствовать предложение из трех отдельных слов:

1	2	3	1	3	2
<i>ni-</i>	<i>nasa-</i>	<i>qua</i>	<i>я ем</i>	<i>мясо</i>	[Там же: 146].

В русском языке предложение состоит из трех слов, а в ацтекском это комплекс, состоящий из отдельных морфем, доминирующей из которых является глагольная (типа *я мясоед* или дословно **мясоедо* = *я мясо ем*).

В таком комплексе морфем нет четкой разницы между словом и предложением, поэтому специалисты по языкам американских индейцев выделяли в качестве основных единиц языка фонемы, морфемы и комплексы морфем (соответствующие словам или предложениям в европейской

терминологии). С такой точки зрения слово, действительно, оказывается трудно определенной единицей языка, представляя собой комплекс морфем (или состоящей из одной морфемы), способный выполнять, как предложение, коммуникативную функцию. Было выдвинуто предположение, что слово — лингвистический фантом, фиктивная единица, более-менее легко выделяемая лишь на материале индоевропейских, тюркских и некоторых других языков, но вовсе не являющаяся универсальной — отсутствующая, например, в инкорпорирующих языках.

Европейские лингвисты включились в дискуссию о статусе слова, ведь вся традиционная теоретическая лингвистика опиралась на слово как на центральную единицу языка — слово оказалось «узлом», связывающим лексику, грамматику (морфологию и синтаксис), фонетику, словообразование, фразеологию, т. е. всю языковую систему в целом.

Во-первых, на слове основана классификация частей речи (слова — знаменательные и служебные, определенным образом морфологически оформленные и функционирующие в предложении), слова выражают комплексы грамматических значений, слова функционируют как определенные члены предложения, производные слова представляют словообразовательные модели и выражают различные типы словообразовательных значений и т. п. Таким образом, слово оказывается краеугольным камнем построения грамматической и словообразовательной системы русского и других языков (индоевропейских, финно-угорских, тюркских и др.).

Во-вторых, слово является единицей, выполняющей номинативную функцию и репрезентирующей языковую картину мира, так как отражает специфическое, национально обусловленное видение мира в определенном ракурсе, воплощенном в слове¹.

¹ Не случайно в современной когнитивной лингвистике активно обсуждаются результаты сопоставления лексико-семантических полей, репрезентирующих концепт (например, «память», «душа», «герой» и т. п.) в разных языках как вербальное отражение фрагмента языковой картины мира.

Если слово оказывается не универсальной единицей, необходима ревизия базовых положений теоретической европейской (и мировой) лингвистики. Пересмотр научных принципов при осмыслении нового материала (например, активного включения языков индейцев Америки в лингвистические описания) является обычной научной практикой. Достаточно указать, например, влияние китайского или тюркских языков на развитие лингвистической типологии или роль санскрита в формировании индоевропейской компаративистики. Изначально европоцентрическая лингвистика постепенно перестраивалась с учетом материала неиндоевропейских языков, разрабатывалась универсальная понятийно-терминологическая база мировой лингвистики. В этом контексте необходимо было подтвердить или опровергнуть статус слова как основной лингвистической единицы не только европейской, но и мировой лингвистики.

В дискуссии приняли участие многие лингвисты разных стран, обсуждение в публикациях и на конференциях продолжалось не одно десятилетие.

Видные ученые (например, Л. В. Щерба) говорили о невозможности формулировки определения понятия слова как универсальной языковой единицы. Даже сравнение слова в русском и французском языках, по мнению Л. В. Щербы, не позволяет выделить общие характеристики слова как базового понятия. Например, существительное *стена*, называющее часть дома (лексическое значение), выражает при помощи флексии комплекс грамматических значений — женский род, единственное число, именительный падеж. Примерно такой же набор значений представляет французский артикль при существительном (выражает род и число), однако русское *стена* мы воспринимаем как одно слово, а французское существительное с артиклем (например, *le mur*) как два разных слова. Чем в данном случае артикль отличается от окончания? Тем ли, что окончание пишется слитно и следует за основной (постпозиция), а артикль пишется раздельно и предшествует слову (препозиция)? Л. В. Щерба справедливо отмечал, что эти отличия не могут быть приняты во внимание, ведь раздельное или слитное

написание диктуется орфографическими нормами (*не* с русскими глаголами пишется раздельно, а с прилагательными и существительными слитно, некоторые клитики пишутся через дефис — *кое-что, кто-нибудь* и т. п.). Препозиция или постпозиция также не является аргументом в определении слова — предлоги понимаются как отдельные слова, а приставки — как часть слова, кроме того, в языках известны постпозитивные артикли (например, в болгарском или армянском языке), которые пишутся слитно, или послелого и т. п. Как сформулировать универсальное, справедливое для всех языков понимание слова? Л. В. Щерба считает эту задачу невыполнимой и отказывается теоретической лингвистике в способности вывести общее определение слова: «Что такое “слово”? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого, собственно, следует, что понятия “слово вообще” не существует» [Щерба 1945: 175].

Однако большинство отечественных ученых, стараясь «защитить» статус слова как центральной лингвистической единицы, предложили разные ее характеристики, выстраивая иерархию признаков слова, отличающих его от морфемы, словосочетания, предложения и фразеологизма на материале разных языков.

Анализ. Особенно активное участие в этой дискуссии принял отечественный ученый А. И. Смирницкий — германист по образованию, специалист по истории и теории германских языков, автор известных учебников и монографий по морфологии, синтаксису и лексикологии английского языка. Важной чертой научного творчества А. И. Смирницкого было стремление и умение обобщать наблюдаемые языковые факты, предлагать формулировки общетеоретических понятий, выходящих за рамки специальных вопросов в сфере общего языкознания.

По поводу статуса слова А. И. Смирницкий писал: «Слово должно быть признано вообще основной языковой единицей: все прочие единицы языка (например, морфемы, фразеологические единицы, какие-либо грамматические построения) так или иначе обусловлены наличием слов и, следовательно, предполагают существование такой единицы, как слово... Морфемы выделяются лишь в результате анализа уже

самого слова, словосочетания же, как правило... уже выходят за пределы словарного состава языка» [Смирницкий 1955: 11]. Действительно, слово оказывается наиболее очевидной, интуитивно выделяемой языковой единицей (дети вычлениют слова из речи и оперируют именно словами, составляя собственные фразы; изучая иностранные языки, мы запоминаем лексику, а не пытаемся самостоятельно сконструировать слова из морфем и т. п.), т. е. слово оказывается наиболее очевидной языковой единицей (не случайно термин для названия слова не заимствуется и называется русским, хотя и многозначным словом *слово*), тогда как словосочетания, фразеологизмы, а тем более морфемы как языковые единицы выделяются в результате лингвистического анализа и называются специальными терминами.

Слово выделяется как базовая единица языка не только наивным сознанием, но и научными школами. Слово «центральная, узловая **единица вообще языка**». Отсюда следует, что ясное осознание существенных признаков слова, основных его свойств и особенностей, отличающих слово от других, близких к нему, языковых образований является необходимой предпосылкой для подлинного понимания чуть ли не всех явлений языка, и тем самым и для точного их исследования, научного их описания и объяснения...» [Смирницкий 1952: 183]. Действительно, определение лингвистической единицы подразумевает перечисление характеристик, отличающих ее от других единиц. Невозможно изучать, например, сложные слова, не выяснив основных характеристик слова, отличающих их от других производных слов (*земледелец* и *учитель*) или от словосочетаний (*голубоглазый* и *с голубыми глазами*).

Определение слова, таким образом, должно опираться на существенные признаки этой языковой единицы, но А. И. Смирницкий подчеркивает, что в разных языках эти признаки отличаются: сингармонизм в тюркских языках или оформление общим ударением в индоевропейских языках и т. п., однако отличия характеристик слов в разнотипных языках вовсе не отрицают возможности и необходимости формулировки общих базовых характеристик слова как универсальной языковой единицы.

А. И. Смирницкий выявляет универсальные признаки слова, выделяя два, по его мнению, главных: **отдельность слова** и **тождество слова**.

Отдельность слова — это способность единицы быть выделяемой из речевого контекста, характеризоваться признаками, отличающими одно слово от другого или от единиц других уровней (морфем, словосочетаний и др.). **А тождество слова** — это способность различных вариантов слова отождествляться, объединяться в одну единицу. Речь идет о том, что говорящий не только может сегментировать речевой поток, выделяя отдельные слова, но и отождествлять различные варианты слов, появляющиеся в речи.

Таким образом, эти главные характеристики слова оказываются взаимообусловленными: слово вычленяется из речевого потока на основании отождествления его вариантов в других контекстах, т. е. говорящий интуитивно опирается на единство формальной и семантической организации слова.

Принцип членности синтагмы на сегменты: предложения — на словоформы, слова — на морфемы и т. д., — сформулировал в середине XX в. американский типолог Дж. Гринберг. Для сегментации словоформы на две морфемы ученый предлагал составлять «квадрат»: «Квадрат существует тогда, когда в языке имеются четыре значимые последовательности, принимающие форму: AC, BC, AD, BD. Примером в английском языке может служить *eating* *принятие пищи* : *sleeping* *процесс сна* :: *eats* *ест* : *sleeps* *спит*, где A = eat-, B = sleep-, C = -ing и D — это -s» [Гринберг 1963: 81]. Единицы языка выделяются в потоке слитной речи благодаря способности говорящих и слушающих опознавать эти сегменты в других контекстах, т. е. отождествлять.

С одной стороны, поток речи членится на сегменты, главным из которых с точки зрения фонетической организации речи (фонетическое слово) и с точки зрения морфологической и лексической системы языка является слово, поэтому деление речевой цепочки на слова оказывается важной проблемой. Принцип выделения сегментов, осмысленных с точки зрения лексического и грамматического значения, заключается в цельности элементов, их устойчивости, узнаваемости в другом

контексте с сохранением в целом семантической и формальной идентичности.

С другой стороны, способность говорящих отождествлять разные семантические и фонетические варианты одного слова, абстрагироваться от конкретных речевых воплощений слова и отождествлять эти варианты в общей единице основывается на **тождестве слова**. Это свойство языковой единицы заключается в способности слова реализовываться в речи в разных фонетических и лексико-грамматических вариантах, но в сознании говорящих тем не менее осознаваться единицей более высокой степени абстракции.

Отдельность и тождество осознаются в результате операций выделения и отождествления единиц, эти признаки основываются на характеристике слова с точки зрения двух типов отношений языковых единиц, выявленных Ф. де Соссюром, — синтагматических и парадигматических. Синтагматические отношения определяют способность единицы соединяться с другими в потоке речи, а возможность выделения ее из контекста опирается на парадигматические отношения — взаимозаменяемость различными фонетическими, лексическими и грамматическими вариантами. Таким образом, отдельность и тождество слова не только подчеркивают важнейшие характеристики слова, но и структурируют связи слов в языковой системе, а также определяют отношения, связывающие слово с другими единицами (словами, морфемами, предложениями).

Двум важнейшим характеристикам слова — **отдельности и тождеству** — посвящены две статьи А. И. Смирницкого: «К вопросу о слове (проблема отдельности слова)» (1952) и «К вопросу о слове (проблема тождества слова)» (1954). Именно опираясь на эти свойства слова, автор предлагает формулировать определение слова, в рамках которого важно установить: «1) что такое **одно отдельное слово** в каждом данном случае его употребления в связной речи; 2) что такое **одно и то же, то же самое слово** в различных случаях его употребления» [Смирницкий 1952: 184]. А. И. Смирницкий подчеркивает: «Обе названные здесь проблемы теснейшим образом связаны друг с другом в силу свойства самого предмета — слова; **отдельность** слова в каждом

данном случае имеет своей предпосылкой употребление **того же самого** слова в различных случаях; вместе с тем установление **тождества** слова в разных случаях его употребления предполагает, что в каждом из этих случаев оно выступает именно как одно **отдельное** слово по отношению к другим словам» [Там же: 185].

Ученый подробно анализирует такую характеристику слова, как **отдельность**: «Проблема отдельности слова расчленяется на два основных вопроса: а) вопрос **выделенности** слова, представляющий вместе с тем вопрос о **различии между словом и частью слова** (компонентом сложного слова, основой, суффиксом и пр.); и б) вопрос **цельности слова**, являющийся вместе с тем вопросом о различии между словом и словосочетанием» [Там же: 187]. В этом смысле можно говорить о континууме языковых единиц: морфема, слово, сложное слово, словосочетание и др. А. И. Смирницкий предлагает не упрощать эту проблему, ведь разные единицы могут обладать «качеством слова» в разной степени, т. е. признаки, характеризующие слово, в большей или меньшей степени могут проявляться и у других единиц.

Рассмотрим отличие слова от морфемы, с одной стороны, и от словосочетания, с другой.

Слово, в отличие от морфемы, оказывается цельной, устойчивой единицей, обладающей синтаксической самостоятельностью. Говорящий и слушающий оперируют словами как готовыми единицами, обладающими «определенной смысловой законченностью». Отдельные слова — «куски словарного “строительного материала”, которые, так сказать, выбираются на складе этого материала и как готовые единицы применяются в речи» [Смирницкий 1952: 188].

Кроме того, слово получает морфологическую оформленность в виде набора аффиксов, выражающих комплексы грамматических значений. Благодаря этому грамматическому оформлению слово может легко выделяться из контекста, т. е. даже не зная значение иностранного слова, мы часто можем определить его принадлежность к определенной части речи, установить набор грамматических значений слова и синтаксическую функцию слова в предложении, ведь морфологические формы работают на синтаксис,

например согласование прилагательного в роде, числе и падеже с существительным часто указывает на его синтаксическую функцию и т. п. (ср. известный пример Щербы *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокренка*, в котором грамматическая оформленность слов позволяет дать морфологическую и синтаксическую характеристику словоформам).

А. И. Смирницкий пишет: «Основное, лексическое значение слова оказывается дополненным, осложненным теми или другими грамматическими значениями, которые являются материально выраженными во внешних, звуковых различиях между отдельными разновидностями — грамматическими формами слова: это и придает слову определенную **оформленность**» [Смирницкий 1952: 190]. Так, имя, как правило, оформляется показателями числа, рода, одушевленности, падежа, а глагол — времени, вида и т. п. На оформленности слова основан механизм выделенности слова из контекста, восприятие слова как отдельной, устойчивой единицы — это отличает слово от морфемы (от части слова). Сложное слово также характеризуется оформленностью — комплекс сложного слова, включающий два или более корней или основ, имеет единое (общее) морфологическое оформление, хотя отличается от непроизводного слова большей формальной и семантической сложностью.

Вместе с тем слово отличается от словосочетания «внутренней цельностью» [Смирницкий 1952: 197]. Например, в сложном слове *прямоугольник* невозможна перестановка частей — компонентов сложного слова, вставка или выкидка отдельных компонентов. Словосочетание (или более пространный синтаксический конструктивный допуск перестановки элементов, их вставку или (иногда) эллипсис, например *большой дом — дом большой — большой уютный дом* и т. п. Внутренняя цельность слова является характеристикой формальной организации слова, но и с точки зрения значения слово обладает семантической цельностью. Например, слово *седобородый* отличается от словосочетания *с седой бородой* большей семантической цельностью.

А. И. Смирницкий предложил еще одну важную характеристику семантической

организации слова — идиоматичность, что, по словам ученого, значит «невыводимость значения целого языкового образования из совокупности значений входящих в него частей» [Смирницкий 1952: 199]. В качестве иллюстрации идиоматичности можно привести пример психологиста Л. В. Сахарного, который рассматривал слова *дневник*, *вечерник*, *утренник* и *ночник*, подчеркивая, что производные слова, образованные от названия времени суток присоединением одинакового суффикса, т. е. формально идентичные слова обладают тем не менее особой семантикой, не выводимой из суммы значений частей. Если *дневник* — это тетрадь для записей каждый день, то *ночник* — вовсе не тетрадь для записей по ночам, а ночная лампа слабого освещения, *вечерник* — студент вечернего отделения, а *утренник* — праздник в детском саду [Сахарный 1985: 62–65].

Однако, как уже было сказано, разные слова обладают отдельными характеристиками слова в большей или меньшей степени. Например, сложное слово — цельнооформленная единица, семантически цельная, которая не обязательно характеризуется идиоматичностью: значение слова *седобородый* можно вывести из суммы составляющих его частей — «имеющий седую бороду».

С другой стороны, есть семантически цельные языковые единицы, характеризующиеся идиоматичностью, но не удовлетворяющие принципу цельнооформленности. Например, фразеологические единицы или сложные наименования (*железная дорога*, *дом отдыха*) [Смирницкий 1952: 200].

Таким образом, сравнение сложных слов, фразеологизмов и словосочетаний показывает, что идиоматичность и цельнооформленность не всегда сопутствуют друг другу: цельнооформленные сложные образования могут быть идиоматичными (*прямоугольник*) и неидиоматичными (*седобородый*); в свою очередь, фразеологизмы оказываются раздельнооформленными образованиями (как и словосочетания), но, в отличие от последних, характеризуются идиоматичностью.

Варианты языковых единиц, расклассифицированных по признакам цельнооформленности и идиоматичности, А. И. Смирницкий представляет в виде схемы [Смирницкий 1952: 200]:

Цельнооформленность	Раздельно-оформленность
Идиоматичность	1. ... <i>железнодорожный</i> 3. ... <i>железная дорога</i>
Отсутствие идиоматичности	2. <i>седобородый</i> ... 4. <i>седая борода</i> ...

В первую группу объединяются классические сложные слова (*железнодорожный*) — цельнооформленные и характеризующиеся идиоматичностью, 4-я группа представлена классическими словосочетаниями (*седая борода*), между ними 2-я группа объединяет сложные слова, которые традиционно считаются словами, хотя характеризуются лишь цельнооформленностью (*седобородый*), а 3-я группа представляет устойчивые сочетания и фразеологизмы, традиционно не считающиеся словами (*железная дорога*), что указывает на меньшую значимость признака идиоматичности для характеристики слова.

Таким образом, мы видим разнообразные единицы языка, обладающие в большей или меньшей степени цельнооформленностью и идиоматичностью, которые представляют опорные звенья сложно устроенного континуума: **морфема (часть слова) — слово — сложное слово — фразеологизм — словосочетание.**

Наряду с цельнооформленностью и идиоматичностью — признаками формальной и семантической отдельности слова — А. И. Смирницкий обсуждает проблему **тождества слова** и определяет, «каковы **возможны различия** между отдельными конкретными случаями употребления (воспроизведения) **одного и того же слова**, т. е. какие различия между такими случаями **совместимы** и какие, напротив, **несовместимы с тождеством слова**» [Смирницкий 1954: 6].

Наиболее очевидной и простой операцией является отождествление **словоформ** (грамматических форм) одного и того же слова. Во многих языках (в том числе и в русском) слово представляет в большинстве случаев синтетическое выражение двух типов значений — лексического и грамматического. Природа этих значений различна, ученые неоднократно подчеркивали конкретность лексического и высокую степень абстрактности грамматического значения. А. И. Смирницкий

пишет: «С **лексической** точки зрения, т. е. в сфере словарного состава, слово прежде всего выступает подобно той или другой **арифметической** величине... С **грамматической** же точки зрения, т. е. в сфере грамматического строя языка, слово выступает наподобие величины алгебраической: алгебраическое *a* или *x*, не будучи никаким конкретным числом, все же представляет собой некое число, а не что-либо иное» [Смирницкий 1955: 15]. Иллюстрируя степень абстрактности грамматического значения по сравнению с лексическим, А. А. Реформатский указывает, что для лексикологии слова *стол*, *стул*, *шкаф* — совершенно разные, так как называют различные предметы мебели, но для грамматики эти слова представляют один класс, ведь это существительные мужского рода в форме именительного падежа и единственного числа, т. е. грамматика оперирует не конкретными единицами, а классами слов.

Грамматические формы слов без труда отождествляются в одно слово: «Качественно отличаясь от лексических значений, являющихся семантическим ядром слова, различные грамматические значения, естественно, сами по себе не расщепляют единства этого ядра, и тем самым различие между грамматическими формами слова совершенно беспрепятственно соединяется с его тождеством» [Смирницкий 1954: 16].

А. И. Смирницкий обсуждает термин, которым в лингвистике следует обозначать форму слова: термин *форма* он считает неудобным в силу его многозначности в разных научных контекстах. Первоначально ученый оперирует термином *гlossa* («гlossы, различаются только грамматически и представляют собой **одно и то же слово**», далее ученый подмечает, что для таких образований применяется термин (*грамматическая*) *форма (слова)*, но затем А. И. Смирницкий предлагает термин *словоформа*, который и был принят последующей лингвистикой (в частности, И. А. Мельчук в работе «Курс общей морфологии» использует термины *словоформа* и *лексема* [Мельчук 1997: 98–99]). А. И. Смирницкий пишет: «Под *словоформой* понимается... данное слово в данной грамматической форме или данная грамматическая форма данного слова» [Смирницкий 1954: 18].

Более сложной операцией является отождествление **вариантов слова**, по А. И. Смирницкому, — глосс одного слова, которые различаются не как разные грамматические формы [Смирницкий 1954: 20]. Ученый пишет: «Варианты слова, для того чтобы быть **разными** вариантами, должны как-то различаться; но, чтобы вместе с этим не оказываясь разными словами, а быть именно вариантами одного слова, они должны быть чем-то особенно связаны друг с другом» [Смирницкий 1954: 22]. Под этой «связкой» вариантов слова поминается лексико-семантическое единство — «стержень», который не является монолитным, а представляет собой пучок формальных и семантических оснований тождества слова.

Лексико-семантическая общность выражается в общей звуковой оболочке вариантов слова (например, значения многозначного слова: *стол* как предмет мебели и *стол* как меню, набор блюд). А. И. Смирницкий подчеркивает, что семантическое единство слова обязательно должно быть материально выражено, поэтому «возможность супплетивности существует только в грамматической, но не в лексической плоскости» [Смирницкий 1954: 23]. Например, формы *он* и *ему* отождествляются в одно слово, потому что лексическое значение одно, но грамматические формы разные, а внешнее отличие воспринимается как «только грамматическое, не словарное».

Различия между лексико-семантическими вариантами могут проявляться в сочетании слов, в различии построения синтаксических структур: *он смеялся* — глагол без дополнения, а *он смеялся над этим рисунком* — глагол с дополнением. Семантические различия между вариантами могут выражаться фразеологически: *дубовый стол*, *постный стол*, *стол заказов* и т. п.

Вопрос о существовании лексико-семантических вариантов слова тесно связан с проблемой полисемии/омонимии, ведь при отсутствии лексико-семантического единства — семантического «стержня», слова превращаются в омонимы. В современном русском языке уже не осознается этимологическое тождество вариантов слова, например *порох* и *прах* — производные от общеславянского **porъxъ* [Смирницкий 1954: 45].

А. И. Смирницкий анализировал стилистические, морфологические, фонологические

и др. варианты слова, подчеркивая сложность их отождествления в «одно и то же слово». Многогранность понятия слова, способность этой языковой единицы изменять грамматическую форму в реальной речи и реализовываться разными лексико-семантическими вариантами приводили ученого к необходимости анализировать семантические и формальные признаки слова. Характеристики слова, возможности рассмотрения слова в плоскости фонетики и морфологии, стилистики и грамматики, семантики и словообразования, по мнению А. И. Смирницкого, должны быть четко определены и названы специальными терминами.

Создание стройной системы терминов, очевидно, А. И. Смирницкий считал важнейшей задачей современной ему науки о языке (мы видим, как он подбирает термины для названия особых свойств и характеристик слова). Терминологическая неразвитость и путаница не позволяют развиваться новой теории языка, в которой слово как основная лингвистическая единица заняло бы центральное место на пересечении лексики и грамматики. В частности, А. И. Смирницкий предлагает четко противопоставлять слово как единицу словарного состава языка (лексики) и грамматики. Например, в предложении *Глухой глухого звал на суд судьи глухого* (А. Пушкин) словоформы *глухой*, *глухого* (1) и *глухого* (2) могут рассматриваться как три отдельных слова (три словоформы в предложении), но в другой плоскости анализа они же рассматриваются как варианты одного и того же слова, т. е. отождествляются.

Выводы. Таким образом, **слово** как основная единица языка, оказавшаяся на пересечении не только грамматики (морфологии и синтаксиса) и лексики, но и словообразования, морфологии, фонетики и даже стилистики, выступает как отдельный предмет изучения самых разных дисциплин, поэтому важные для научного дискурса характеристики слова должны быть описаны наукой и обозначены особым термином. В частности, слово с точки зрения грамматики (конкретная форма употребления слова в речи) А. И. Смирницкий предложил называть *словоформой*, а для слова как единицы лексической системы был принят термин *лексема* (сам

термин был введен в науку ранее по аналогии с терминами *фонема*, *морфема*, *графема* и др. и получил различное толкование в работах ученых, но именно в учении А. И. Смирницкого о статусе слова занял место в понятийно-терминологической системе науки о языке).

Современная лингвистика опирается на предложенное А. И. Смирницким противопоставление слова как единицы грамматики и лексики. Идеи А. И. Смирницкого об отдельности слова — его отличии от морфемы, сложного слова, фразеологизма и словосочетания, о грамматических формах слова и лексико-семантических его вариантах активно обсуждаются современными учеными и актуальны по сей день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гринберг Дж. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963. С. 60–94.
2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М.: Прогресс, 2001. С. 15–20.
3. Мельчук И. А. Курс общей морфологии: в 4 т. Т. 1. Ч. 1: Слово. М.: Языки рус. культуры; Вена: Прогресс, 1997. 400 с.
4. Сахарный Л. В. Психолингвистические аспекты теории словообразования. Л.: ЛГУ им. А. А. Жданова, 1985. 97 с.
5. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема отдельности слова) // Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 182–203.
6. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (проблема тождества слова) // Труды Института языкознания. М.: Издательство АН СССР, 1954. Т. 4. С. 3–49.
7. Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М.: Издательство АН СССР, 1955. С. 11–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Оксана Анатольевна Волошина, кандидат филологических наук, доцент

8. Шерба Л. В. Очередные проблемы языковедения // Известия Академии наук Союза ССР. Отделение литературы и языка. 1945. Т. IV. Вып. 5. С. 173–186.

REFERENCES

1. Greenberg J. Quantitative approach to morphological typology of languages. *Novoe v lingvistike* = *New in Linguistics*. 1963. Iss. 3. P. 60–94. (In Russ.)
2. Humboldt W. On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race. *Humboldt W. Izbrannnye trudy po yazykoznaniiyu* = *Selected Works in Linguistics*. 2nd ed. Moscow: Progress. 2001. P. 15–20. (In Russ.)
3. Mel'chuk I. A. The course of general morphology: in 4 vols. Vol. 1. Part 1. Word. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; Vienna: Progress. 1997. 400 p. (In Russ.)
4. Sakhar'ny L. V. Psycholinguistic aspects of the theory of word formation. Leningrad: LSU named after A. A. Zhdanov, 1985. 97 p. (In Russ.)
5. Smirnitsky A. I. Regarding the word (the problem of word separateness). *Voprosy teorii i istorii yazyka v svete trudov I. V. Stalina po yazykoznaniiyu* = *Studies of the theory and history of language in the light of the works of I. V. Stalin's works on linguistics*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press. 1952. P. 182–203. (In Russ.)
6. Smirnitsky A. I. Regarding the word (the problem of word identity). *Trudy Instituta yazykoznaniiya* = *Proceedings of the Institute of Linguistics*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press. 1954. Vol. 4. P. 3–49. (In Russ.)
7. Smirnitsky A. I. The lexical and the grammatical in the word. *Voprosy grammaticheskogo stroya* = *Problems of grammatical structure*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press. 1955. P. 11–53. (In Russ.)
8. Shcherba L. V. Current issues in linguistics. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie literatury i yazyka* = *Bulletin of the Academy of Sciences of the USSR. Studies in Literature and Language*. 1945. Vol. 4. Iss. 5. P. 173–186. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 27.03.2023; одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 10.05.2023.

The article was submitted 27.03.2023; approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 10.05.2023.